

|||||

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
Могилев, Республика Беларусь
E-mail: kosvladan@mail.ru

Ключевые слова: Тотемизм, табуирование, телесность, сакральное, совесть.

Kostenich V.
Mogilev State University named after A.A. Kuleshov
Mogilev, The Republic of Belarus

Keywords: Totemism, taboos, embodiment, sacred, conscience.

Одним из исходных жанров (мифо-языческого) сакрального нарратива традиционно считается тотемизм. Правда, на сегодняшний день, отсутствует корпоративное согласие не только по поводу «религиозной аутентичности» данного ментального феномена, но и самого факта наличия его социокультурной универсальности. Все чаще и настойчивее говорят о полифонии тоте(м)истических языковых игр, задающих сюжетно

диверсифицированное и тематически многослойное смысловое пространство «символических описаний», а также коррелятивных им ритуальных практик становления человеческого в человеке в форме зооморфных эротизмов и деонтологий табуирования [1, с. 37–111]. Тотемизм растворяется в пересказах «частных верований» первобытных сообществ, «структурно» гомологичных друг другу в своих «антропогностических мифах». На наш взгляд, необходимо дать принципиальное объяснение ряду ключевых трендов данного смыслоорганизма, которые признаются практически всеми исследователями, но остаются в качестве «постулированных очевидностей», не нуждающихся в специальном обосновании. Однако, это не так.

Прежде всего, напомним себе, «трансцендентный» лейтмотив всех тотемистических «космологий», задающий их «сверхъестественную хроно(с)топику» и религиозные акценты, ибо данные построения инкорпорированы в «первобытности» истории (Творения) самого бытия, понимаемого как Космос (всего Сущего). Согласно тотемистическим представлениям, Космос возникает из Хаоса в результате того, что некие (изначальные и вечные) X-бытийные образования, обитающие в Хаосе, выталкивают Космос из его бесконечных недр и продолжают в дальнейшем удерживать от обратного обрушения в Хаос. В основе тотемистических метафор (в подавляющем большинстве случаев) лежат представления о сверхъестественном родстве между определённой группой людей и т. н. «тотемами»: видами животных и растений [2, с. 51–84]. Иначе говоря, бытийные первопредки Космоса (якобы – В.К.) мыслятся первобытным сознанием в образах так называемых «священных животных», земными аналогами которых объявляются определённые био-особи, выступающие для того или иного архаичного человеческого коллектива (по каким-то «тёмным» причинам) ортодоксально смыслоопределяющими.

«Доминирующей чертой тотемического верования является жуткий мистический страх перед соответствующим животным. Однако это не просто страх, но и своего рода обожествление. Люди как бы перевоплощаются в свой тотем-животное...» [3, с. 120]. По отношению к этим первопредкам и их земным «родственникам-дубликатам» (как правило, но с оговорками) формулируются два фундаментальных запрета-табу (т.е., этически добровольных, совестьнесущих, самоограничения): 1) их нельзя убивать и употреблять в пищу; 2) с ними нельзя вступать как в прямые, так и символические инцестуальные (эротически кровосмесительные и онтологически кощунственные) связи и отношения. «Табу, по существу, является именно той гранью, которая отделяет новорожденное... общество от зоологического стада зверей, ибо оно есть древнейшее и простейшее нравственное образование» [3, с. 12]. По сути, с помощью этих императивов мифологическая ментальность (первично) вводит для себя (проторелигиозное) осознание наличия таких поведенческих границ, которые следует рассматривать в качестве «священных и абсолютных», и духовное игнорирование которых «самоубийственно» для социо-био-популяционного генома человеческой родословной.

Тотемистически ориентированное мышление глубинно сопоставляет между собой «пищевую и репродуктивную» (она же, в более широком контексте, эротически-сексуальная) программы поведения, общения и деятельности, задавая их бинарные синонимизации-перекодировки. Биологические инсинуации (природной) человеческой органики социально декорируются и начинают задавать новые «призмы восприятия» самой человеческой субъектности, наделяя её синергетической нелинейностью. Возникают «эпопеи инициации», перемежающиеся физиологическими и сексуально-пищевыми «диетами» (искусственного и искусного плана). В процессе («тайнств») инициаций, эзотерическим смыслом которых было посвящение (перевод трансформация, трансМиссия) в новый социальный (а порой, как в случае, например, с шаманами, и в духовный) Статус, человек символически, но ощутимо телесно, вовлекался в тройное (квазилитургическое) священнодействие с феноменальными эйдосами Смерти, Сексуальности и собственно «Священного», обретал «паспортное свидетельство» своего (телесно-духовного) «совершеннолетия». Иначе говоря, (крестные) испытания (физической) болью,

сексуальный (практический) ликбез и мистическая смерть», вкуче с последующим пробуждением (воскресением) являлись частью грандиозного повторения (и сотворчества) Космогонии Мира [4].

Уже сейчас (попутно) заметим, что христианская евхаристия, подразумевающая «дегустацию Бога», перевод трансцендентного в имманентное; также полна эротических «песнь песней» и характеризует собой «акт близости» Бога и человека, его (своеобразное) «оплодотворение святостью» запредельного, просветляющего мутно телесное. Предчеловеческое в человеке (до)вочеловечивается из «потусторонних» источников.

Вопрос, однако, в том, какова онтологическая (а не аксиоматическая) корреляция между животноподобными тотемными основаниями (основателями) человеческого бытия и выбором именно их в данной сакральной иерархии? Так ли уж «случаен и прагматичен» этот выбор и (мучительное) предпочтение? Как нам представляется, здесь можно усмотреть целую палитру «точечных интуиций» человеческой экзистенциальности, само(сть)критично диагностирующей собственные «природные бездны», а также производные от них душевные смятения и духовные «одержимости».

По-видимому, тотемизм оказывается бессознательным прозрением и ритуально проигрываемым перформансом того (на сегодня, тривиального) факта, что по «происхождению» сам Человек предстаёт существом «биологически обусловленным», является (в Мир) тем уникальным животным, которое, по мнению Марка Твена, «способно краснеть» (от неловкости или стыда из-за «улик» своих «деградаций в животность»). Тотемизм выступает и написанием об этом, и дамокловым мечом (прогностического) предупреждения: «Человек хуже зверя, когда он зверь» (Рабиндранат Тагор), ибо «зверское в Человеке», как эдемский «змей-искуситель», вечно соблазняет его послушаться собственной «богоподобной человечности», и вновь совершать «первородный грех» (животного) самомнения, наделяя «телесность» самодовлеющим значением царской особы, правящей бал наших гедонистических желаний.

Наиболее эксплицитно данные аллюзии тотемизма мифологически представлены в символических индексациях кентавромахии, где человеческая ипостась акапельна своему «животному носителю», свергающему вертикаль человеческой осанки в горизонталь витального галопа. Неожиданной этической аберрацией (исторически продвинутого) тотемизма предстают также такие «хтонические гермафродиты» бытия, как Горгона (ухмыляющаяся... *vagina dentate*, женская голова с бородой, клыками, вывалившимся языком и змеями в волосах) и Сфинкс (существо с головой и грудью женщины, крыльями грифона, когтями и задом льва; плод инцеста полузмеи Ехидны с сыном-псом Орфом). Эти сущности символизируют «чудовище совести», зомбирующей человека из его собственных сновидений ужаса и раскаяния [5, с. 61–97]. Наконец, ещё один нестандартный пример тотемистической амбивалентности Мира и человека являет собой бальный танец «пасодобль», обыгрывающий в своей хореографической феерии тему «корриды» тореадора и быка. При этом маркером их бытийного противостояния, «красной тряпкой раздора» выступает «пафос» самой схватки, как таковой, вкуче с интронизацией на пьедестал бытия одного из участников сражения.

Все эти сюжеты «фрейдируют» к рассмотрению психоаналитической диалектики сексуальности и смерти, транспонируемых в мыслеобразах мужского и женского начал. Они привязывают человеческое общежитие к либидонозным посланиям природных вожделений и их травматическим последствиям в генезисе созревающей духовности. Отныне человеческое тело и телесность становятся тотемистическими проекциями сознания, проступившими из ритуальной глины мифологических ассоциаций. Эдипов инцест «Тотема и табу» оказывается фрейдовской зарисовкой трагической теургии хтонических монстров животности и социокультурного генезиса стыда-совести, выносящих испепеляющий приговор человеческим попыткам «одолжить себя» зверю похоти и сексуального прельщения. Редактируя Фрейда и повествуя об архетипах

человеческого облика, о его Личинах и Лицах, Юнг, фактически, проговаривает подпольные сущности тотемизма, рассоединяя между собой архетипическую Тень «животной витальности» и, маскирующую её в ритуальных сценографиях культуры, архетипическую Персону «животного».

Под ритуальной маской того или иного животного, тотемизм дезавуирует «животность», как природную ойкумену человеческой сущности, эротически привязанной к пасодоблю священного и... дидактики заклания, учреждающего и упреждающего насилия. «Первобытная религия «приручает (биологически фундированное – В.К.) насилие», регламентирует, упорядочивает и направляет его... против всех форм действительно недопустимого насилия... Функция (тотемистического – В.К.) ритуала – в том, чтобы «очищать» насилие, то есть «обманывать» его и переключать на жертв, мести которых можно не бояться» [6, с. 31, 52].

Христианская традиция устами Нагорной проповеди Христа иницирует принципиально и демонстративно этическую реинкарнацию «искушения (усилием) ненасилия», предлагая парадоксальный подвиг противостояния (зверской) одержимости злом через «подставленную щеку» (вы)зова доверием к «человеческим ресурсам» беснующейся плоти оппонента. Зло ставят перед «инициацией выбора»: продлить свою оргиастическую изнанку человекоподобия, или же утвердить человечность в качестве категорического императива «не-алиби в бытии» (М. Бахтин). Впоследствии христианский формат «священной жертвы (козла, агнца) отпущения», нередко проходит возобновляемую (культурно-историческую) «онтологию человечности» в контекстах драматического спектакля «художественного совокупления» (всегда) неизжитых природных инстинктов в пространстве социальных снобизмов и эстетики самопожертвования. Сошлёмся без цитат на «Историю сексуальности» Фуко, панорамно повествующую о репрессивных грехопадениях европейской ментальности, протирившейся к цивилизованным формам человеческого бытия сквозь частокол (ритуальных) «концлагерных потаканий» воли к биологической власти над себе подобными.

Отсюда, кстати, произрастают (и многие современные) «превращённые формы» тотемистической установки сознания, ведь Дионис лукав и многолик и в наше время.

Кричащий натурализм фильмов ужасов, плотоядно смакующий истязания и изуверства по отношению к стенаниям и воплям (чужого) страдающего тела, с которым садомазохистски экспериментируют ницшеанские «пост(недо)человеки. И (почти религиозный) катарсис хэппи эндов, торжествующих над поверженным (в итоге) монстром животного безумия.

Телесные провокации боди-артовских мизансцен, превращающих человеческое тело в эротическую простыню для импрессионистических инсталляций; в ритуальный материал пренебрежения... восхищением красотой (в пользу кричаще-вызывающего).

Богемное скопчество душевных импотентов от (поп)искусства, назойливо ротирующих собственную человеческую тщедушность, с помощью инстаграмного саморазоблачения (дву)личным пространством и искусственно обработанной физиогномикой.

Потуги «порнографического» на эротичность, маскирующие животные девальвации нескромности ритуальными (телесными) дефиле, где «ухмыляющаяся обнажённость» прокламируется как мода на «не сокрытость Истины» (Хайдеггер наверняка бы перевернулся в гробу от подобных софистических новелл).

Пресловутая «армейская дедовщина», сакрализующая статусные деформации, охмелевшей от собственного скотства маргинальной (корпоративной) «элитки».

Всё это – гротескные карикатуры и эхолокации на мифологические празднества (животно не сдержанной) плоти и сумасбродного насилия.

Таковы (некоторые) современные измышления (хаосов) тотемистического.

И человеческие усилия «(воз)любить ближнего больше себя и... его самого».

...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леви-Строс, К. Первобытное мышление. / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994. – 384 с.*
2. *Токарев, С.А. Ранние формы религии. / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.*
3. *Бородай, Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. / Ю.М. Бородай. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – 416 с.*
4. *Тэрнер, В. Символ и ритуал. Сост. В.А. Бейлис и автор предисловия / В. Тэрнер – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.*
5. *Палья, К. Личины сексуальности / Пер. с англ. / Общ. ред. и посл. С. Никитина. / К. Палья. – Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 880 с.*
6. *Жирар, Рене. Насилие и священное / Перевод с французского Г. Дашевского. Изд. 2-е, испр. / Рене Жирар. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с*